

Келли Хантер
Брызги шампанского
Серия «Жаркое ложе скандальной парочки», книга 1
Серия «Любовный роман – Harlequin», книга 47

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589355
Хантер Келли Брызги шампанского: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02521-0
Оригинал: KellyHunter, "Exposed: Misbehaving with the Magnate"
Перевод:
О. Ю. Ефремова*

Аннотация

Они поцеловались всего один раз – сын хозяина замка и дочь экономки. Разразился скандал. Габриель отправили в Австралию, к брату. Люсьен не возражал против ее отъезда. Почему? Это и многое другое предстоит узнать девушке, когда спустя семь лет она вернется в родные места.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Хантер Келли

Брызги шампанского

Глава 1

Стоя перед старинной деревянной дверью, ведущей в помещения для слуг замка Кавернес, Габриель Александер бормотала себе под нос:

– Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Она помнила, какова эта дверь на ощупь, помнила резкий глухой звук, который издавал латунный молоток, ударяя по дереву. В последний раз Габриель открывала эту дверь, когда ей было шестнадцать, но до сих пор не забыла, как тяжело становилось у нее на сердце при мысли о том, что скоро ей придется распрощаться со всем тем, что она знала и любила. Она умоляла свою мать позволить ей остаться, спорила, убеждала, а потом расплакалась. Но люди, которых любила она, ее не любили. Жозе Александер, женщина холодная и непреклонная, отправила дочь в Австралию.

Из-за какого-то поцелуя.

– Из-за какого-то паршивого поцелуя, – вздохнула Габриель, по-прежнему стоя у двери и собираясь с духом.

С той поры прошло семь лет. Габи многое узнала о поцелуях – сладостно-страстных, горячих, влажных, жадных и прочих. В общем, тот давний поцелуй был так себе. На троечку. По десятибалльной шкале.

«Вот только врать себе не надо», – заявил внутренний голос, который она всегда с большим трудом заставляла молчать.

– Поцелуй был так себе, – упрямо повторила она. – Абсолютно ничего не значащий поцелуй.

«Ну да, конечно. Абсолютно ничего не значащий поцелуй».

– Ну и пристрели меня тогда, – яростным шепотом велела Габриель своему внутреннему голосу. – Просто мы с тобой по-разному смотрим на вещи. – Она решительно взялась за дверной молоток. – И вообще, дело было сто лет назад. Его давным-давно следовало выкинуть из головы.

Легко сказать, да не просто сделать. По крайней мере, не здесь, в замке Кавернес, где летний воздух пропитан ароматами виноградников, а теплые солнечные лучи ласкают плечи. И не сейчас, поскольку сердце готово разорваться от нежности к этому идилическому уголку Шампани, который Габи считала своим домом. Она целых семь лет она провела вдали от него.

Все из-за того поцелуя.

Схватившись за латунный молоток, девушка с силой стукнула им по двери. Раздавшийся «бум» совсем не напоминал тот страшный звук, от которого у нее в детстве леденела кровь, а волосы чуть ли не вставали дыбом. Габриель попробовала еще раз. «Бум-бум-бум!»

Но дверь оставалась закрытой. Никаких шагов слышно не было.

Жозе больна пневмонией. Симона Дювалье, подруга Габи по детским играм, а сейчас хозяйка замка, сообщила об этом по телефону. Что, если Жозе так плохо, что она не может подняться с постели? Что, если, идя к двери, она потеряла сознание и теперь лежит на полу?

Габи открыла сумочку и вытащила ключ – гладкий холодный металл отталкивал и притягивал к себе одновременно. У нее нет прав пользоваться им. Внутренний голос взывал к осторожности, однако девушка вновь не прислушалась к нему.

«Безрассудная идиотка, – не раз и не два корила ее мать. – Упрямая дуреха».

Ключ повернулся легко, без усилий. Раздался легкий щелчок. Габриель слегка толкнула дверь, которая тут же без скрипа отворилась.

– Мама! – позвала Габи, с трепетом входя в темный холл.

Краем глаза она заметила огонек. Замирая от страха и паники, девушка перевела взгляд на широкую панель с мигающими красными лампочками. Очень похоже на систему новейшей сигнализации. «А ведь я предупреждал», – с грустью констатировал внутренний голос.

– Мама!

И тут началась форменная какофония. Сигнализация ожила. Оглушительное завывание сирены было слышно на многие мили вокруг. Габриель бросилась к панели, подняла крышку и в смятении уставилась на клавиатуру, на которой были как буквы, так и цифры. Она набрала дату своего рождения. Разрывающий барабанные перепонки вой продолжался. Затем Габи попробовала имя брата – Рафаэль – и дату его рождения, но Жозе никогда не была сентиментальной. Затем последовали год основания замка Кавернес, название и год выпуска наиболее успешной марки шампанского, количество старых лип, растущих вдоль подъездной дорожки. Сигнализация не умолкала. Отчаявшись, Габриель стала нажимать все подряд, чертыхаясь сразу на нескольких языках.

– Приятно, что ты не забыла языки, – произнес бархатный голос совсем рядом, и Габриель закрыла глаза, стараясь унять участившееся вдруг сердцебиение.

Она узнала этот голос, этот глубокий, ласкающий слух тембр. Голос, тут же воскресивший ее потаенные мысли и фантазии. Он преследовал Габриель во сне все эти годы.

– А, Люк, привет! – как можно небрежнее произнесла Габриель.

Она медленно повернулась к нему. Он выглядел так, как и положено главе древнего, процветающего и уважаемого рода – безукоризненные серые брюки и безупречная белая рубашка.

Габриель могла бы простоять, рассматривая Люсьена Дювалье, еще долго, но обстоятельства, а главное, ее барабанные перепонки, взывающие о милосердии, требовали немедленных действий.

– Сколько лет, сколько зим! Как ты думаешь, тебе по силам заставить эту штуку заткнуться?

Люк подошел к панели. Его длинные гибкие пальцы быстро набрали нужную комбинацию. Сигнализация тут же умолкла. Наступила благословенная тишина.

– Спасибо, – поблагодарила Габи.

– Не за что. – Четко очерченные губы Люка сжались. – Чем обязан, Габриель?

– Я когда-то жила здесь, если ты не забыл.

– Семь лет назад.

– Верно.

Теперь, когда отвратительный вой больше не действовал на нервы, все внимание Габриель сосредоточилось на стоящем перед ней высоком, темноволосом, темноглазом мужчине. Девушка старалась справиться с охватившим ее волнением, но тщетно. Она не могла оставаться равнодушной к нему семь лет назад, не могла и сейчас. Уже с юности в нем чувствовалась все возрастающая сила и несомненная сексуальность. День – так называли слуги светловолосого, с дерзкими синими глазами приятеля Люка, Рафаэля, а вот сыну владельца замка они присвоили прозвище Ночь.

– Извини, что так получилось с сигнализацией, – смущенно пробормотала Габи. – Мне сначала нужно было подумать и только потом воспользоваться ключом.

Люк не ответил. Но в этом не было ничего удивительного – он и раньше никогда не поддерживал пустой разговор. Однако обсуждать другие темы она в эту минуту была не в силах. Сделав глубокий вдох, девушка попыталась снова:

– Ты хорошо выглядишь, Люсьен.

Люк по-прежнему молчал. Тогда Габриель посмотрела на стены замка, гармонично вписывающиеся в пейзаж:

– Кавернес также неплохо выглядит. Значит, он в хороших руках. Я слышала о смерти твоего отца. – Конечно, следовало бы выразить сожаление по поводу кончины старика Дювалье, но это было бы откровенной ложью. – Подозреваю, теперь ты полновластный хозяин замка, – добавила она с вызовом, глядя прямо в горящие темные глаза. – Стоит преклонить перед тобой колена?

– А ты изменилась, – неожиданно и довольно резко заявил Люк. – Стала увереннее.

– Благодарю.

– И похорошела.

– Еще раз спасибо.

Если Люк собирается провести инвентаризацию произошедших в ней перемен, она укажет ему главные. Прежде всего, она уже не нескладная шестнадцатилетняя девчонка, только-только начавшая превращаться в женщину. Ну и разумеется, Люк больше не является центром, вокруг которого вращалась когда-то вся ее жизнь.

– Даже не верится, – небрежно бросила Габи. – Мы ведь вместе играли, а теперь здороваемся, словно чужие. Позволь, я тебя поцелую. – Она придвинулась ближе и прикоснулась губами к его левой щеке. Ее тут же обволок исходящий от Люка легкий сосновый аромат. – Теперь правую, – продолжила она приветственный ритуал, не обращая внимания на то, что Люк уподобился каменному изваянию. На правой щеке Габриель позволила себе задержаться чуть дольше.

– И на этом все, – хрипло произнес Люк. Его пальцы ухватили ее за подбородок, а затем опустились на шею. – Ради твоего же блага.

Это было предупреждение, которое не стоило игнорировать. Габриель тут же вняла ему. Она закрыла глаза. Семь лет ничего не изменили – ее тело по-прежнему помнит его прикосновения и жаждет их. Впрочем, сейчас она стала старше и мудрее. Больше она не позволит себе потерять голову из-за главы Империи шампанских вин Дювалье.

– Ты женат, Люк?

– Нет.

– Дал обет воздержания?

– Нет.

– Ты уверен? – Габриель дотянулась губами до мочки его уха. – Тогда я не понимаю, почему ты так напряжен. Я всего лишь приветствую старого друга. Вполне невинно.

Давление пальцев на ее шею усилилось.

– Ты не невинна.

– Неужели это так заметно? – Девушка покачала головой. – Впрочем, ты всегда отличался наблюдательностью. – Она отступила на шаг и одарила Люка беспечной улыбкой. – И кто сказал, что поцелуев обязательно должно быть три? Обойдемся двумя, согласен?

– Габриель, что ты здесь делаешь?

Да, похоже, она – нежеланный гость в Кавернесе.

– Звонила Симона и сообщила, что моя мать больна. Она сказала... – Габриель помедлила. – Она сказала, что Жозе звала своих ангелов.

Кого на самом деле звала Жозе Александер, экономка Кавернеса, – своих детей, названных в честь ангелов, или кого-то другого, – оставалось только догадываться. В любом случае Рафаэль считал поездку сестры через полмира ошибкой, полагая, что это всего лишь бред, вызванный температурой. Но даже если Раф прав и Жозе откажется ее увидеть, Габриель не могла не приехать.

– Вот я и здесь, – закончила она, пожимая плечами.

– Жозе знает о твоём приезде? – обманчиво мягким тоном поинтересовался Люк.

Габриель тут же занервничала:

– Я... Нет.

Взгляд Люка стал непроницаемым, но Габриель на миг показалось, что в глубине его глаз промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

– Ты всегда действовала чересчур импульсивно, причем во вред себе, – негромко заметил он. – Насколько я понимаю, Раф отказался сопровождать тебя.

– Он занят! – защищая брата, воскликнула она. – Уверена, у тебя тоже есть дела. Скажи, где я могу найти мать?

– Идем, – отрывисто бросил Люк и повернулся. – Жозе поместили в одной из комнат западного крыла. При ней постоянно находится медбрат – врач велел не оставлять ее без присмотра.

Габриель закрыла дверь, сунула ключ в сумочку и поспешила за Люком.

– Она настолько плоха?

– К сожалению. Дважды мы думали, что потеряли ее.

Девушка помолчала, но затем все же спросила:

– Как ты думаешь, она захочет меня увидеть?

Лицо Люка приобрело жесткое выражение.

– Не знаю. Тебе следовало сначала позвонить, а не мчаться сюда сломя голову.

Опасения Габриель усилились, когда они вошли в западное крыло замка. Жозе Александер никак не проявляла свою любовь к детям, если вообще испытывала ее, зато критиковала она их по поводу и без повода. Детство Габи проводила в тщетных попытках хоть как-то заслужить мамину похвалу, но так этого и не добилась. Несмотря на семь лет, в течение которых она почти не поддерживала контакт с матерью, детское желание угодить ей снова дало о себе знать. Неужели Жозе откажется ее увидеть? Что, если в бреду она не звала своих детей?

Медбрат, седовласый мужчина лет за пятьдесят, встретил их в гостиной. Люк представил его как Ханса.

– Самая упрямая больная, за которой мне приходится ухаживать, – с улыбкой сказал он Габи. – Она недавно приняла лекарство, но у вас есть еще минут пять, пока она не начнет клевать носом, заявляя при этом, что спать не хочет. – Ханс снова улыбнулся и указал рукой на закрытую дверь.

– Спасибо, – поблагодарила его Габриель, чувствуя, как на нее накатывают волны страха. Но не отступать же в последнюю минуту, хотя ее брат и Люк, скорее всего, правы!

– Мне зайти с тобой? – негромко спросил Люк.

– Нет, – тут же возразила она. Не хватало только, чтобы он стал свидетелем ее унижения! С другой стороны, возможно, именно его присутствие заставит мать держаться хотя бы в рамках приличий. – Да.

– Так нет или да? – уточнил он с легкой усмешкой.

Их взгляды встретились, и первой отвела глаза Габриель:

– Да.

– Не больше чем на пару минут, – предупредил их Ханс.

– Спасибо.

Собравшись с духом, Габи открыла дверь и вошла. В комнате было тепло. И темно, так как солнечным лучам приходилось пробиваться через плотные занавеси. Большую часть комнаты занимала кровать. Она была так велика, что лежащая в ней женщина казалась совсем маленькой.

Семь лет назад волосы Жозе Александер были черны как вороново крыло и ниспадали почти до талии. Сейчас волосы были коротко подстрижены, и в них появились седые пряди, но она по-прежнему была самой красивой женщиной из всех, с кем приходилось встречаться

Габриель. Глаза Жозе – потрясающие глаза глубокого синего цвета, прежде зорко следившие за всем, – были закрыты. Габриель была довольна этой крошечной передышкой, так как она давала ей время хотя бы немного совладать со своими эмоциями.

– Жозе, – негромко позвал Люк. – Простите, что мы зашли так поздно, но к вам гостя.

Ресницы Жозе дрогнули. Она медленно открыла глаза. Ее взгляд сфокусировался на Люке, затем на застывшей рядом с ним Габи. С ее губ сорвался вздох. Затем она снова закрыла глаза и отвернулась от посетителей.

Глаза Габриель защищало от слез, она произнесла чуть срывающимся голосом:

– Привет, мама.

– Тебе не нужно было приезжать, – по-прежнему не глядя на нее, заявила Жозе.

– Ты не первая, кто мне говорит об этом. – Габриель метнула взгляд на Люка. Его лицо было таким же выразительным, как камни, из которых был возведен замок. – Мне сообщили, что ты больна.

– Ничего серьезного.

С этим утверждением можно было поспорить – Жозе казалась очень слабой и хрупкой.

– Я привезла тебе подарок. – Габи вытащила из сумки альбом с фотографиями, который она готовила с болью в сердце. Раф убил бы ее, если бы знал, как много в альбоме его фотографий. Именно поэтому Габриель ничего ему не сказала. – Я подумала, что хотя бы из любопытства ты согласишься, как мы с Рафом поживали все эти годы. Мы приобрели заброшенный виноградник и вдохнули в него новую жизнь. Думаю, мы неплохо преуспели, главным образом потому, что Раф – блестящий бизнесмен. Ты можешь им гордиться.

Мать продолжала молчать, и поток слов Габи скоро иссяк. Выходит, эти семь лет ничего не изменили в отношении Жозе к сыну. Скорее всего, именно поэтому Раф работал как сумасшедший: он стремился доказать матери, что заслуживает большего, нежели постоянная критика в свой адрес и безразличие.

– Я оставлю альбом на кровати – на случай, если ты вдруг решишь заглянуть в него.

– Мне ничего не нужно, кроме одного: я хочу, чтобы ты ушла.

Вот так разбиваются мечты. Неужели она всерьез рассчитывала на что-то другое?

– Я сняла комнату в деревне и несколько недель проведу здесь. Когда ты почувствуешь себя лучше или захочешь встретиться, позвони. Вот. – Габриель выудила из сумочки визитную карточку. Ответом ей было молчание. Она прикусила губу, надеясь, что физическая боль заставит поутихнуть боль в сердце, но отказ Жозе поговорить с ней задел девушку слишком сильно. Напрасно она приехала. Следовало слушаться Рафа, а не своего глупого сердца. – Ну ладно. Поправляйся. – Габриель сделала шаг назад, но тут перед ее глазами все поплыло. Почти сразу она ощутила уверенную руку Люка на своем локте.

– Тебе следовало отдохнуть после приезда, – заметил он.

Они оба прекрасно понимали, что вовсе не усталость заставила ее покачнуться. Однако Габриель с радостью ухватилась за предложенное им объяснение:

– Да, день выдался тяжелый.

– Подожди меня снаружи, – попросил Люк, провожая ее к двери. – Я сейчас.

Когда дверь за Габриель закрылась, он повернулся к женщине, лежащей на кровати. Жозе Александер была невероятно красива даже сейчас. Уверенной рукой она долгие годы управляла персоналом замка, и всем было известно: одна промашка – и пощады не будет. В такой же строгости она вырастила собственных детей. Воля этой женщины вызывала восхищение. Ее решение отослать Габриель семь лет назад Люк только приветствовал, но ее сегодняшняя реакция поставила его в тупик.

Жозе лежала, не открывая глаз, но Люку это совсем не мешало. Она его слышит, и это главное.

– Отец рассказал мне незадолго до смерти о нашем долге перед вами, и я надеюсь, что выполнил его волю. Я не оставил вас в беде, Жозе, поэтому считаю, что имею право на ответную услугу. Как только у вас появятся силы, вы должны встретиться с вашей дочерью, проделавшей долгий путь, и поговорить с ней. – Он сделал паузу, потом тихо, но четко произнес: – Иначе можете паковать чемоданы.

Жозе кивнула, по ее щекам покатились слезы, но, начав говорить, Люк уже не мог остановиться.

– Вы никогда этого не замечали, верно? Не видели, как сильно они страдают, и упрямо продолжали их отталкивать. – Взгляд Люка остановился на фотоальбоме, и его гнев вспыхнул с новой силой. – Вы не желали замечать, как сильно любят вас ваши дети.

* * *

Люк нагнал Габриель в холле, чувствуя, что не отказался бы от выпивки. Вид девушки убедил его, что и ей выпивка не помешает. Он привел ее в библиотеку, которая одновременно выполняла функции его кабинета.

– Где ты остановилась? – поинтересовался Люк и подошел к бару, чтобы щедро плеснуть себе бренди и вина Габриель.

– В деревне, – ответила она, стараясь взять бокал таким образом, чтобы не коснуться руки Люка. Девушка осушила его одним глотком. – Спасибо. – Тут она заметила этикетку на бутылке, и глаза ее расширились. – Ради бога, Люк! Да ведь этому вину больше сотни лет! Оно слишком дорого даже для тебя. Предупреждать надо. Ведь я его даже как следует не распробовала. – Она сокрушенно покачала головой.

Люк налил ей еще. Специально, чтобы она могла насладиться букетом.

– Где конкретно?

– На старой мельнице.

– Я распоряжусь, чтобы твои вещи доставили сюда. – Люк, выпив бренди, опустил бокал на стол с такой силой, что Габриель невольно вздрогнула. – Ты можешь остаться в замке. Слава богу, комнат у нас предостаточно.

Она покачала головой:

Я не могу. Ты же слышал. – Она горько улыбнулась и, взяв бутылку, налила себе бренди. – Она не хочет меня видеть.

– Если я ничего не путаю, – вкрадчиво произнес Люк, – хозяйкой Кавернеса является не Жозе. Для тебя здесь всегда найдется комната. Нет необходимости жить в деревне. Уверен, Симона обрадуется тебе.

– А ты? – спросила Габи. В серых глазах, устремленных на него, была боль. – Ты тоже рад? Если я ничего не путаю, в свое время ты не мог дождаться, когда избавишься от меня.

– Тебе было всего шестнадцать лет, Габриель. И если ты не понимаешь, почему я настаивал на твоём отъезде, то, похоже, ты не так умна, как я думал. Задержись ты хотя бы на неделю, и я бы взял тебя в твоей постели, в моей или даже по пути в спальню, – грубовато уточнил он. – И ты не возражала бы против такого обращения.

– Ну что ж... тогда я рада, что мы все выяснили. – Габриель отхлебнула глоток бренди и аккуратно поставила бокал на столик. – Подобная откровенность заслуживает ответного признания. Впервые я переспала с парнем в девятнадцать лет. Он был красивый, милый, смешной и работал на ферме. – Слова давались ей с некоторым трудом. – Рядом с ним и сердце билось быстрее, и бурлила кровь. Любая девушка мечтает, чтобы ее первый любовник был таким. Я же была немного разочарована. – Она направилась к двери. Люк словно прирос к месту. – Следующие три недели я проведу на старой мельнице. Если моя мать вдруг надумает увидеться со мной или ее состояние изменится, сообщи мне.

– Почему ты была разочарована? – с трудом выговорил Люк. Возможно, он не имеет права задавать подобный вопрос, но ему необходимо знать.

Габриель ответила не сразу. Повернувшись к нему, она пожала плечами и криво улыбнулась:

– Трудно сказать. Может, просто потому, что это был не ты.

Когда дверь за ней захлопнулась, Люк наконец позволил себе выругаться. Он гордился своим самоконтролем. Только одна женщина с легкостью заставляла его забыть о нем. Когда это едва не произошло в первый раз, последствия оказались плачевными для всех. Жозе билась в истерике, его отец был в ужасе, а Габриель... Невинная, доверчивая Габриель лишилась дома.

Ее первым любовником стал красивый австралийский фермер.

Ярость вспыхнула в нем с такой силой, что Люк схватил бокал и швырнул его в камин. Он разлетелся на мелкие кусочки, но легче от этого Люсьену Дювалье не стало.

Глава 2

Габриель знала об одной своей слабости: находясь в стрессовом состоянии, она разговаривала сама с собой. Не прошло и часа после ее возвращения в Кавернес, как она твердила себе: «Не нужно было ему об этом рассказывать». Гравий подъездной дорожки хрустел под ногами, когда она спешила к взятой напрокат машине – подальше от замка, подальше от его обитателей. Необходимо как можно скорее остаться одной, иначе она совсем расклеится.

До деревни ей удалось доехать без приключений: она не перепутала полосы и не заблудилась, даже ни разу не превысила скорость. Добравшись до старой мельницы, девушка закрылась в комнате и сразу повалилась на кровать, закрыв лицо руками, словно вычеркивая только что состоявшийся разговор с Люсьеном. Затем она повторила вслух:

– Не нужно было ему об этом рассказывать.

Она не видела Люка семь лет. Семь лет, в течение которых он не прислал ни одной весточки. Юная Габи пришла к выводу, что Люк лишь забавлялся и тот поцелуй для него совершенно ничего не значил. Как и дочка экономки.

Ни разу ей в голову не пришла мысль, что Люк защищал ее, оберегая от отношений, к которым она еще не была готова.

И не готова до сих пор, если судить по ее сегодняшней реакции. Нет, конечно, сейчас у нее есть деньги. Она вполне уверена в себе. Но все равно этого явно недостаточно для общения с мужчинами, подобными Люку Дювалье. Его горящие темные глаза заставили Габи забыть об инстинкте самосохранения, который не раз выручал ее.

Сколько потребовалось минут, чтобы она перестала быть самой собой, оказавшись рядом с ним? Две или, может, три?

Габриель застонала и легла на бок, зарывшись головой в подушку и накидывая на себя синее покрывало. Встретившись с Люком, она снова стала впечатлительной шестнадцатилетней девчонкой.

Ну, кто додумается поведать мужчине о своем первом любовном опыте? «Девушка, которая так и не смогла забыть упоение от единственного поцелуя», – ехидно пояснил внутренний голос.

Девушка, которая прекрасно знала, что в замке Кавернес ее никто не ждет.

Ну и кто она после этого? Правильно, самая настоящая дуреха.

Люк встретил сестру в кухне. Она принесла большую картонную коробку со свежими овощами и фруктами.

– Привет, братишка, – весело приветствовала его Симона. – У меня отличные новости. Наконец-то продажи возросли. – Она поставила коробку и сумку на стойку. – У нас выдался удачный квартал.

– Поздравляю, – сказал Люк, но что-то в его голосе заставило Симону повернуться и окинуть его внимательным взглядом.

– Что случилось? – настороженно спросила она.

– У Жозе сегодня была посетительница.

– Кто?

– Габриель.

Лицо Симоны осветила радость. Люк подметил это с кривой улыбкой. Симона и Габи когда-то были почти неразлучны, не обращая внимания на такой пустяк, как лежащая между ними социальная пропасть.

– Габи здесь? В замке? Где?

– Нет, не в замке, в деревне. И прежде чем ты обрушишь на мою голову праведный гнев, ставлю тебя в известность: я предложил ей пожить в замке, но она отказалась. – Люк дал волю эмоциям. – Проклятье, Симона! Почему ты не предупредила меня, что связалась с ней? И почему не предупредила Жозе?

– Я оставила для Габи сообщение на автоответчике о том, что ее мать больна. Это все.

– Но ты предполагала, что она захочет приехать.

– Я думала, она сначала позвонит.

– Как видишь, нет. Габриель решила явиться без звонка.

– И как прошла встреча? – медленно проговорила Симона.

Люк не стал ничего скрывать:

– Жозе едва на нее взглянула.

Последовавший за этим град ругательств не украсил бы ни одну даму.

– А что потом? – потребовала Симона. – Ты хотя бы дал Габриель понять, что, невзирая на это, в Кавернесе ей рады?

– Более или менее.

Симона с возмущением взглянула на брата:

– Как это понимать? Боже мой, Люк! Неужели так сложно вести себя как подобает взрослому мужчине?

– Именно так я себя и вел, – мрачно сообщил Люк.

Симона, направившаяся было к холодильнику, едва не споткнулась, когда до нее дошел смысл этой фразы. Она обернулась к брату и прищурилась.

– Тебя по-прежнему влечет к ней. – Это прозвучало как утверждение.

Люк не стал ничего объяснять. Кое-что его сестре знать вовсе не обязательно. Например, что он едва мог себя контролировать – столь сильным было его желание.

– Габриель нужен друг, Симона. Я готов предложить ей свою дружбу, но боюсь опять все испортить, – признался он. – Или навредить.

Взгляд Симоны смягчился.

– Насколько я помню, ты, наоборот, старался ее уберечь.

– По-моему, ты пристрастна, – заметил Люк.

– Если только самую малость, – улыбнулась девушка.

– Она остановилась на старой мельнице. – Люк испытал облегчение, увидев, что сестра быстро наполняет корзинку едой из холодильника. – Ты собираешься к ней?

– Естественно. Габи должна знать, что здесь рады ее видеть.

* * *

Габриель проснулась от энергичного стука в дверь. Она со стоном села, пригладила растрепавшиеся волосы и взглянула на часы. Восемь вечера, значит, в Австралии сейчас раннее утро. Она проспала около трех часов. Теперь ей точно не удастся уснуть ночью.

– Кто там?

– Это я, Симона, – раздался за дверью еще один голос из прошлого.

Габриель спрыгнула с кровати и поспешила к двери, успев, впрочем, подумать, не многовато ли давних знакомых ей довелось сегодня увидеть: сначала – Люк, затем – Жозе, теперь еще Симона.

За дверью стояла брюнетка в элегантном небесно-голубом костюме. Несколько секунд Габи пыталась совместить образ утонченной красавицы с той девчонкой-сорванцом, которая жила в ее памяти. Опустив взгляд, она заметила в левой руке гостьи бутылку шампанского. У ног Симоны красовалась корзинка, полная деликатесов.

И Габриель поняла: девчонка-сорванец никуда не делась. Она прячется за блестящей внешностью и эксклюзивной одеждой.

– Только посмотрите на нее! Ах ты, соня! – воскликнула Симона, и не успела Габи опомниться, как оказалась в объятиях подруги, вдыхая тонкий аромат духов. – Я ушам своим не поверила, когда Люк сказал, что ты во Франции. Почему ты меня не предупредила? Я бы встретила тебя в аэропорту. – Выразительные карие глаза ее вдруг повлажнели. – Какой же красавицей ты стала! Я не сомневалась, что даже твоя мать с тобой не сравнится, когда ты по-настоящему расцветешь. – Симона помолчала. – Люк рассказал мне о твоей встрече с Жозе. Я готова ее придушить. Она звала тебя. Клянусь, что звала! Я была уверена, что она хочет исправить свои ошибки и наладить с вами контакт, иначе ни за что не позвонила бы тебе. Никогда.

– Не переживай, – утешила ее Габи. – Я не очень-то рассчитывала на теплый прием. Надеюсь, конечно, но... Ты, наверное, считаешь, что я сглупила?

– Нет, конечно, – нежно проговорила Симона. – Ты надеялась – я тебя понимаю. – Она подхватила корзинку. – Ладно, как ты смотришь на то, чтобы устроить пикник? Все равно где. Когда ты уехала, я стащила две бутылки самого старого шампанского, спрятала их и на могиле матери поклялась, что мы выпьем в честь твоего возвращения. Одну я сейчас принесла. Долго же тебя не было, – проворчала она. – Почему не приехала раньше?

На губах Габриель появилась улыбка. Первая искренняя улыбка – от осознания, что кто-то рад ее видеть.

– Была слишком занята, налаживая свою жизнь в Австралии. Кстати, а когда ты собираешься открывать вторую бутылку?

– Все мое время, – уклонилась Симона от прямого ответа. – Так где мы устроим пикник? Здесь или под открытым небом? Или, может, махнем на наше старое место?

Габриель скептически посмотрела на одежду подруги:

– Ты уверена? Не боишься сломать шею, шагая на таких каблуках?

Симона посмотрела на свои туфли и нахмурилась:

– Наверное, ты права. Мне не пройти по той тропинке. Люк сделал все, чтобы скорее выставить меня из дома, и я не сняла деловой костюм. – Она взглянула на узкую кровать, окинула взглядом маленькую, не очень уютную комнату. – Нет, здесь мне не нравится. Давай завернем в замок, и я переоденусь.

– Извини, но я с тобой не пойду, – поспешно отказалась Габриель. – Я подожду тебя на нашем месте. Кавернеса мне сегодня хватило с избытком.

– Это всего лишь дом, – начала Симона, но, заметив красноречивый взгляд подруги, добавила: – Хорошо, хорошо. Замок. Всего лишь большой замок.

– Нет.

– Мы тихонько зайдем и выйдем оттуда. Нас никто не увидит – как в детстве. – Симона улыбнулась.

– Никто, кроме Люка.

– Давай решим этот вопрос, как полагается взрослым, умным, образованным женщинам, – рассудительно предложила Симона. – Может, ты одолжишь мне что-нибудь из своих вещей?

– Без проблем, – тут же согласилась Габриель и добавила: – Только учти, что наряды я купила в Сингапуре и мне пришлось на них попрыгать, чтобы чемоданы закрылись. Боюсь, сейчас там черт ногу сломит.

– Не пугай меня – просто покажи, что у тебя имеется. – Симона ловко вытащила пробку из бутылки с шампанским, не пролив ни капли драгоценного напитка. – Немного беспорядка – это просто здорово, – продолжила она, поставила бутылку на столик и стала рыться в

корзинке. – Мне казалось, что я запихнула сюда пару бокалов. Специальных бокалов для шампанского.

– Пластиковых? – предположила Габриель.

Симона с укоризной взглянула на нее:

– Габи, где ты жила последние семь лет? А-а, вот они. – Она с ловкостью фокусника извлекла бокалы из корзинки и помахала ими. – Польский хрусталь, – объявила девушка с гордостью. – Как видишь, изумительной формы и необыкновенно легкие. Пластиковые бокалы для шампанского! – пробормотала она и передернула плечами, возмущенная подобным кощунством. Наполнив бокалы шампанским, Симона протянула один подруге. – Добро пожаловать домой!

Пикник был устроен на вершине самого высокого холма, окруженного виноградниками.

– Чем собираешься заняться? – осведомилась Симона, когда со скатерти исчезли последние крошки сыра и кусочки нежнейшего паштета. – Люк сказал, что ты собираешься пожить здесь несколько недель.

– Да, – кивнула Габриель. – Скучать мне не придется – мы с Рафом занялись производством вина.

– Вот как? – небрежно бросила Симона. Может, даже чересчур небрежно. – Что за вино?

– В основном каберне совиньон и каберне мерло. И я уверена, что оно заслуживает каждого потраченного на него цента и нашего труда. Мы с Рафом рассчитываем наладить экспорт наших вин в Европу. Так как эти места нам знакомы, то мы рассудили, что лучше всего открыть филиал нашей фирмы здесь.

Симона смотрела куда-то вдаль.

– Рафаэль подумывает о том, чтобы вернуться?

– Нет. Только я.

– Понятно.

– Не расстраивайся так сильно, – заметив огорченное лицо подруги, сказала Габи.

– Я не расстраиваюсь. – Она вздохнула. – Так, спросила из любопытства. И что конкретно ты собираешься подыскивать здесь? Офисы или склады?

– И то и другое.

– С участком земли или без?

– Как получится. А что? Есть что-то на примете?

– Виноградники старика Хаммершмидта выставлены на продажу. Их, конечно, давно не обрабатывали, оборудование на винодельне устарело, дом требует капитального ремонта, но погреба в хорошем состоянии. Люк собирается приобрести владения.

– И ты говоришь об этом мне? – удивилась Габриель. – Зачем?

– Но тебе нужны офис и погреба?

– Если мне все понравится, я окажусь его конкурентом, – заметила Габриэль. – И ты не можешь этого не понимать.

– Я знаю. – Симона расплылась в улыбке. – Зато будет весело.

– Интересно знать, кому? Я серьезно, подруга. Спасибо, что подала ценную мысль, но как же твой долг перед семьей? Помнится, было время, когда ты ставила преданность своей семье выше собственного счастья. Что произошло с взглядами той Симоны?

Лицо ее подруги детства вытянулось.

– Та Симона горько сожалеет, что не ухватила за свое счастье обеими руками. – Она пожала плечами. – А впрочем, может, я просто повзрослела и стала мудрее.

– Тебя не интересует, как обстоят дела у Рафа? – прямо спросила Габриель.

Симона отпила глоток шампанского и перевела взгляд на долину, половина которой принадлежала ее семье.

– Хочу. Так как он поживает?

– Одержим нашим бизнесом.

– Он счастлив?

– Вот этого я утверждать не могу.

Симона помолчала:

– Женат?

– Нет. Он встречался с несколькими женщинами. Их могло быть куда больше, но на первом месте у него работа. – Габриель также пригубила превосходное шампанское. – Раф строит свою собственную империю, чтобы доказать всем, что он на многое способен. Кому всем? Да самому себе, матери, которая никогда его не любила, наследнице Дювалье, которая никогда в него не верила, и лучшему другу, у которого он не нашел поддержки.

– Все было не так, – слабо запротестовала Симона. – И ты знаешь это не хуже меня.

– Я знаю. Да и Раф говорит, что понял, почему Люк не мог стать его партнером. Братишка согласился и с тем, что в то время вы оба были слишком юны, чтобы вступать в брак, не говоря уже об отъезде в Австралию. В общем, он утверждает, что работает как вол просто потому, что это доставляет ему удовольствие. Но все шито белыми нитками – ясно, что он загружает себя, чтобы не сойти с ума от горьких мыслей и воспоминаний.

– Хочу еще выпить, – заявила Симона.

Габриель протянула ей свой бокал:

– Плесни мне тоже. Можешь меня стукнуть, если думаешь, что от этого тебе станет легче, – предложила она, заметив, что у подруги дрожит рука.

– Лучше не искушай меня, – пробормотала Симона. – Может, мы найдем что обсудить, кроме братьев?

– Чудесная мысль. – Габриель подняла бокал, словно приветствуя это решение. – Впрочем, если уж мы заговорили о них, то до встречи с Люком я была уверена, что все в прошлом. Увы, я ошиблась.

– Я нисколько не удивлена. Мне еще не встретилась женщина, которой удалось бы забыть моего братца. Хочешь совет, Габи? Люк изменился после твоего отъезда. Он стал жестче. Да и характер у него не мед. Кому, как не мне, знать об этом? Ведь я живу с ним под одной крышей. Не завидую я той, которая действительно его полюбит.

– Предупреждаешь? – с кривой улыбкой спросила Габриель.

– Да нет, не совсем... Ты – единственная девушка, которую Люк провожал взглядом, и что-то подсказывает мне, что тебе это по-прежнему по силам. Что же касается его сердца... В общем, будь осторожна.

– Я приехала не ради него, Симона. Я даже не уверена, что хочу быть с ним, – слишком уж хорошо помню, чем все закончилось в прошлом.

– Уверена, что он тоже не забыл. А сказала я тебе все это так, на всякий случай. Кстати, почему бы вам не попытаться поговорить о том, что произошло? Может быть, тогда вам удастся начать с чистого листа?

– Поговорить, как положено взрослым, цивилизованным людям, – задумчиво произнесла Габриель. – Ты можешь это себе представить?

В глазах Симоны вспыхнули искорки. Она покачала головой.

– Вот и я о том же. – Габи вздохнула. – Лучше бы нам удалось вести себя цивилизованно, не вспоминая прошлое. Как ты думаешь, а? – с надеждой спросила она.

– Ну, попытка не пытка, – протянула Симона и задумалась. – Действительно, почему бы и нет? – решительно заключила она. – Если хочешь, загляни завтра в Кавернес. Мы прогуляемся по саду, поужинаем. Навести Жозе, если у тебя возникнет такое желание, хотя я

бы этого не советовала. А что касается Люка... Почему бы тебе не пообщаться с ним на какую-нибудь отвлеченную тему? Вдруг у вас обнаружатся общие интересы, которые никак не связаны с прошлым? Обсуди с ним дела, спроси его совета – мужчины это любят.

– Ну а потом что?

– Упомяни своего жениха.

Габриель растерялась:

– Но у меня нет жениха.

– Я бы на твоём месте об этом умолчала. – Симона усмехнулась. – Ладно, проехали.

Тогда установи границы вашего общения, как-нибудь иначе.

– И Люк будет их придерживать, так, что ли?

Симона засмеялась:

– Черт, как же я по тебе соскучилась! – Но она все же соизволила немного посерьезнеть. – На крайний случай держись с ним вежливо, но холодно.

– Вежливо, но холодно, – повторила Габриель, поднося бокал к губам и с удивлением обнаруживая, что он пуст.

– Еще шампанского? – весело предложила ее подруга.

Габи нахмурилась:

– По-моему, ты наполняла мой бокал совсем недавно.

– Так он маленький, – успокоила ее Симона. – Ты не забыла, что мы пьем? «Шато Кавернес» урожая 1955 года. Это не просто хорошо выдержанное шампанское.

С этим утверждением нельзя было спорить.

– Ладно, еще один, – объявила Габи, и подруги рассмеялись.

Глава 3

Габриель снова въехала во двор замка Кавернес на следующий день в пять часов вечера. Заглушив мотор, она достала мобильный телефон и отыскиала номер, данный ей Симоной накануне.

– Где ты? – спросила девушка, как только подруга ответила.

– Жду тебя во фруктовом саду. И если ты звонишь, чтобы сказать, что передумала, то я на тебя обижусь, – добавила она.

– Нет, я во дворе замка. Просто у меня нет ни малейшего желания прочесывать три акра, разыскивая тебя, – именно поэтому я звоню. К тому же моя обувь не вполне подходит для поисков.

– Разве так должна выглядеть женщина, собирающаяся держать мужчину на расстоянии?

– Не переживай, именно так и я выгляжу, – успокоила ее Габи.

Она специально надела скромное платье цвета спелой сливы с высоким воротником, достигающее ей до колен. Волосы были собраны в строгий узел на затылке, хотя обычно Габриель распускала их. На лице – минимум косметики. И лишь две капельки ее любимых духов. Черт, так и должна выглядеть стильная женщина, желающая избежать внимания мужчин! Вот только обувь... Она не смогла устоять и надела кожаные босоножки на высоких каблуках.

Впрочем, сейчас, сидя в машине, Габриель засомневалась, стоило ли ей принимать приглашение Симоны. Все-таки, что ни говори, быть холодной и сдержанной в теории куда проще, чем на практике. Да еще эти каблуки... Как устоять на них перед мужчиной, от одного взгляда которого у нее начинают дрожать колени?

– Снимай туфли и иди босиком, – велела Симона.

– По-моему, это не совсем цивилизованно, – засомневалась Габи.

– Тем более. Иди босиком, пусть все то, что в тебе есть необузданного, уйдет в землю. Тогда перед Люком предстанет спокойная, уверенная в себе женщина.

– Должна признать, в твоих рассуждениях есть доля смысла, – согласилась Габриель.

– В моих рассуждениях всегда есть доля смысла, – заявила Симона без всякой ложной скромности.

Выйдя из машины и подумав еще пару секунд, Габи наклонилась, сняла босоножки и, миновав каменную арку, зашла в сад, являвший собой образец строгой симметрии. Сердце ее невольно забило быстрее при виде кустарника, образовавшего лабиринт. Когда-то они пропадали в нем часами. В прошлом кусты возвышались над ней, сейчас же их высота доходила ей до груди, и Габриель видела беседку в центре лабиринта.

– Вы сохранили лабиринт, – сказала она в трубку.

– Я сохранила, – поправила ее Симона и не удержалась от колкости: – Ты собираешься говорить со мной по телефону или мы все-таки встретимся?

Габриель засмеялась:

– Я привезла кое-что к ужину. Оставлю сумку на террасе. Скоро увидимся.

Держа в одной руке босоножки, в другой – прилично весившую сумку, Габриель обошла хорошо знакомый ей лабиринт и направилась к парадному входу замка. Увидев, что на террасе кто-то есть, она замедлила шаг, но затем, распрямив плечи, уверенно продолжила свой путь.

Гладкие каменные ступеньки охладили ноги, но Габриель не стала обуваться.

– Добрый вечер, мама, Ханс, – приветствовала она сидящую на террасе пару и с некоторой настороженностью покосилась на Люка. Судя по всему, он, как и Габи, проходил мимо и остановился лишь затем, чтобы поздороваться. – Люк.

Ханс ответил на приветствие с дружелюбной улыбкой. Жозе отозвалась куда сдержаннее, но все же весьма доброжелательно, что тронуло Габриель. Люк промолчал.

– Меня ждет Симона, – не зная, что еще сказать, объяснила девушка. – Она пригласила меня посмотреть сад.

Жозе окинула ее взглядом, не упуская из виду ни прическу, ни босоножки в руке, и Габриель подавила инстинктивное желание осмотреть себя с ног до головы, чтобы удостовериться, что с ее одеждой все в порядке. Да, она хотела бы сблизиться с матерью, но не ценой постоянных нареканий со стороны Жозе. Она уже взрослая и вполне способна сама принимать решения, а если матери что-то не нравится, это ее проблемы.

Габриель сделала глубокий вдох, поставила сумку на плетеный столик и выпрямилась. Люк по-прежнему молчал. Может быть, принимая во внимание их вчерашнюю встречу – первую после семи лет разлуки, – которая никому из них не доставила удовольствия, он вообще не желает ее видеть? Ладно, пусть так. Но что ему стоит сказать хотя бы «привет»? И как она должна налаживать отношения с ним, если он даже поздороваться с ней не хочет?

Молчание затягивалось, и тут Люк, неожиданно для Габриель, заговорил:

– Симона занялась садом несколько лет назад. Теперь там вместо фруктовых деревьев полно роз.

Габриель с облегчением выдохнула: ну, хоть какое-то подобие беседы.

– Наверное, там теперь все выглядит иначе, – заметила она, принуждая себя улыбнуться и доставая из сумки букетик фиалок. Воздух сразу наполнился нежным ароматом. – Это для тебя, мама. Я собиралась передать их тебе через Ханса, но раз уж мы встретились... – Габриель тут же повернулась, готовая уйти – из страха, что ее маленький подарок будет отвергнут.

– Спасибо, – услышала она.

Девушка остановилась, посмотрела на Жозе, но та отвела взгляд.

Люк слегка нахмурился. Ханс, чувствуя некоторую напряженность, возникшую на террасе, до этой минуты тактично не вмешивался, но сейчас он взял букет и протянул его Жозе со словами:

– Моя мама тоже любила фиалки. Красивые цветы, не правда ли?

Опасаясь ответной реакции матери, которая могла причинить ей боль, Габриель поспешно зашагала прочь.

Неожиданно она обнаружила, что Люк идет рядом с ней.

– Не возражаешь против моей компании?

Девушка бросила на него настороженный взгляд:

– Не возражаю.

– Ты оставила сумку на столе, – сказал он. – Я не знал, специально или нет, поэтому не захватил ее.

– Правильно сделал. Я заберу ее позже.

Несколько минут они шли молча. Габриель пыталась сообразить, о чем можно поговорить с Люком, не затрагивая прошлого, но в голову ничего не приходило, так как он целиком занял все ее мысли.

Вчера на нем была рабочая одежда – разумеется, рабочая с учетом того, что он являлся главой Дома Дювалье. Сегодня Люк был в синей рубашке с маленькими черепаховыми пуговками – такими крошечными, что оставалось только удивляться, как мужские пальцы могли с ними справиться. Для таких пуговиц требуются маленькие женские пальчики. И руки у нее немедленно зачесались от желания расстегнуть их.

Чтобы отвлечься, Габи перевела взгляд на его брюки. Что, впрочем, было не совсем умно с ее стороны.

Брюки и грубые на вид ботинки больше подходили для работы в поле, чем для зала заседаний правления компании, но на Люке они почему-то смотрелись вполне естественно и, более того, заставляли сильнее биться женское сердце от контраста между аристократичными манерами и исходившей от него звериной чувственностью.

– Как тебе живется в Австралии? – поинтересовался Люк, когда они поравнялись с безупречно подстриженным кустарником.

«Что ж, неплохо для начала цивилизованного разговора», – решила про себя Габриель и ответила:

– Неплохо. Можно даже сказать, отлично. – Она растянула губы в улыбке. – Австралия – прекрасная страна с массой возможностей и гораздо менее строгими классовыми разграничениями. Как только я туда приехала, сразу же забыла о том, что моя мать – экономка в замке. Более того, меня считали утонченной девушкой, обладающей истинно французским шармом. В Австралии передо мной открылись многие двери, которые были закрыты в доброй старой Франции. Я была свободна в выборе, чем заниматься и кем быть.

– Могу себе представить. – На лице Люка мелькнула улыбка. – Ты стала дикой и необузданной, как мустанг на воле.

– Представь себе, нет. Там не оказалось никого, против кого я могла бы бунтовать, так что я, наоборот, присмирела.

– Уверен, это только порадовало Рафа.

– Может быть, но он ничего не говорил, – пожалала плечами Габи. – Скорее всего, он знал, что, как только я уеду отсюда, все так и будет.

Люк посмотрел на нее:

– Ты ненавидишь Кавернес?

– Нет. – Она огляделась и покачала головой. – Как можно ненавидеть такую красоту? Скорее я ненавидела то место, которое занимала здесь. Не пойми меня превратно: я вовсе не мечтала стать хозяйкой замка. Я просто не хотела, чтобы мое положение в обществе определяло мою жизнь.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – сухо бросил Люк. Его глаза стали почти черными. – А какие чувства ты испытываешь сейчас?

– Противоречивые, – честно призналась Габриель. – С одной стороны, мне кажется, что я вернулась домой. С другой – хочется поскорее отсюда уехать, так как я и теперь считаю, что здесь для меня нет места. Я по-прежнему безразлична Жозе, возможно, и вам с Симоной тоже, хотя вы приняли меня куда теплее, чем родная мать.

– Ты не права. Для тебя здесь всегда найдется место, Габи. Всегда, – повторил он.

– Посмотрим, – уклончиво ответила девушка.

– Если тебе понадобится какая-нибудь помощь, – тщательно подбирая слова, сказал Люк, – ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Брови Габриель удивленно взметнулись вверх.

– Почему ты это говоришь?

– Ты лишилась дома из-за меня.

– Насколько я помню, в ту ночь в гроте нас было двое, – заметила Габриель. – Ну а кроме того, скоро у меня появился новый дом. Переехав в другую страну, я многое поняла и узнала о самой себе. Теперь даже не верится, – задумчиво продолжала она, – что я когда-то отчаянно желала остаться в Кавернесе. Как же верна поговорка: что бы ни случилось, все к лучшему. В Австралии я повзрослела и стала тем, кем сейчас являюсь. И уж точно стала сильнее, чем раньше.

– А как ты перенесла разрыв с матерью?

– Вполне возможно, что он произошел бы в любом случае, рано или поздно, – пожала плечами Габриель и внимательно посмотрела на него. – Забудь про чувство вины, Люк. Роль кающегося грешника тебе не идет.

– Осторожнее, Габи. – В его глазах сверкнули молнии.

– А вот теперь передо мной Люк, которого я знала. Так-то лучше.

Все самообладание Люка вдруг испарилось, кипевшие в нем страсти вырвались на волю. Он схватил ее за руку и потянул в тень замковых стен. Некоторое время он стоял молча, возвышаясь над Габриель, давая ей полнее прочувствовать возникшее между ними напряжение. Так происходило всегда, стоило им оказаться наедине и в опасной близости друг от друга.

– Почему ты постоянно меня провоцируешь? – Его голос вибрировал от едва сдерживаемых эмоций. – Почему ты никогда не внемлешь голосу разума и игнорируешь мои предупреждения?

– Неужели? – улыбнулась Габриель пересохшими губами и на всякий случай отступила на шаг, однако тут же уперлась в стену. – Я внимательно слушаю тебя.

– Хорошо, – кивнул Люк. – Ты помнишь, что произошло, когда ты вынудила меня потерять контроль над собой? Хочешь повторения?

– Нет.

«Да», – отчетливо произнес ее несносный внутренний голос.

– Нет, – тверже повторила она. – Я хочу, чтобы мы вели себя как взрослые цивилизованные люди.

– Цивилизованные? Мы?

– Да.

Люк негромко рассмеялся, но его смех быстро оборвался.

– Ты мог бы по крайней мере попытаться. Почему бы не поздороваться со мной несколько минут назад?

– А ты сама догадаться не можешь? – чуть ли не прорычал он, упираясь руками в стену по обе стороны от нее. – Вот ты и напросилась. – Люк наклонил голову. – Здравствуй, Габриель.

Девушка ощутила легкое прикосновение его жарких губ к своей щеке, которая тут же запылала, но она вскинула голову и, стараясь не обращать внимания на горящие мрачным огнем глаза, с трудом выдавила улыбку:

– Можешь ведь, когда захочешь.

– Я еще не закончил тебя приветствовать, – чуть тише произнес Люк, но эффект от его слов был тот же самый: она задрожала. Он коснулся губами другой щеки. Затем кончик его языка коснулся края ее рта. Габриель шумно вздохнула. К ее лицу тут же прилила краска, и тепло мгновенно разлилось по телу.

– Твоя очередь, – прошептал он. – Скажи: «Здравствуй, Люсьен. Как поживаешь?» – и постарайся, чтобы твое тело не выдавало тебя. Как и глаза, потому что вскоре, мой ангел, все догадаются о том, что ты меня хочешь. И особо держи себя в руках, когда нас будут окружать люди. Если, конечно, тебе не все равно.

– Нет, – прошептала Габриель и прочистила горло, но голос ей не повиновался. – И потом, это вряд ли можно назвать поведением двух взрослых цивилизованных людей.

– Абсолютно с тобой согласен.

И Люк задел ее губы своим ртом, но этого было достаточно, чтобы глаза Габриель закрылись, а голова запрокинулась назад. Почти сразу за этим она почувствовала прохладные пальцы на своих горячих щеках – это Люк обхватил ладонями ее лицо. Давление его губ стало чуть сильнее, но все же это был вполне невинный поцелуй. За одним исключением:

в нем чувствовался немой вопрос. У Габриель давно был готов ответ. Вздох вырвался из ее груди, губы приоткрылись, позволяя его языку скользнуть внутрь.

Люк знал, что совершает ошибку, но противостоять искушению не мог. И как всегда, прикосновение к губам Габи вызвало в нем жажду, желание впитать в себя ее вкус и запах, дурманивший голову и пьянящий лучше самого изысканного шампанского.

– Дотронься до меня, – хрипло выдохнул он в перерывах между поцелуями, которые становились все настойчивее. – Ну же, Габриель!

Из ее горла вырвался полустон-полувсхлип. Она уронила босоножки на землю и обняла его.

Неожиданно начался сильный дождь. Холодные капли забарабанили по их телам, причиняя боль. Габриель вырвалась из объятий Люка, закрывая лицо руками. Люк моргнул и потряс головой, недоумевая, так как всего несколько минут назад на небе не было ни облачка.

– Прошу прощения, – услышал он голос сестры, донесшийся словно издалека, хотя она стояла всего в нескольких шагах от них со шлангом в руке и ангельским выражением лица. – Я пустила воду, – начала объяснять она, – но сделала это слишком резко, поэтому не сразу справилась со шлангом. Вы знаете, как это бывает. – И она многозначительно посмотрела сначала на брата, потом на подругу.

Лицо Габриель, невзирая на ледяной душ, продолжало гореть, и она ничего не могла с этим поделать.

Люк вытер лицо рукавом и засунул обе руки в карманы, чтобы даже ненароком не прикоснуться к Габриель.

– В следующий раз, когда мы с тобой встретимся, я ограничусь лишь устным приветствием, – хмуро сказал он девушке.

– Возражений не имею, – кивнула она, нагибаясь и поднимая с земли босоножки. Мимходом она заметила отчетливый бугорок на его брюках.

Люк устремил взгляд в стену.

– Если нечто подобное произойдет на людях, то не обижайся, если я сразу отойду. – Он продолжал внимательно изучать стену. – А может, уеду на другой конец света.

– Другой конец света зовется Австралией, – сухо сообщила Симона. – В последний раз вам это действительно помогло. – Она снова направила на них шланг. – Но на данный момент это невозможно, так что могу предложить повторный душ.

– Спасибо, обойдусь, – тут же отказался Люк.

– Я тоже. – Габриель смахнула с платья капли воды и посмотрела на Симону. – Ну, так как?

– Ты спрашиваешь про нашу прогулку по саду? – уточнила Симона и, подняв тонкую бровь, посмотрела на брата. – Составишь нам компанию?

– Если бросишь меня с этой дамочкой, можешь начинать думать о себе в прошедшем времени, – заявила Габриель, повернувшись к Люку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.